

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Бурхонова Гулрух Садриддиновна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Юлдошева Доно Азадовна

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. В статье исследуются ключевые морфологические трансформации, происходящие в современном русском языке под воздействием глобализационных процессов. Анализируется интенсивное проникновение иноязычных элементов, деминутивизация, динамика грамматических категорий рода и числа, а также тенденция к аналитизму. Рассматриваются позиции ведущих лингвистов и критиков относительно векторов развития языковой системы.

Ключевые слова: морфология, русский язык, глобализация, аналитизм, заимствования, грамматическая категория, интернационализация.

Abstract. The article examines the key morphological transformations occurring in the modern Russian language under the influence of globalization processes. The intensive penetration of foreign elements, diminutivization, dynamics of grammatical categories of gender and number, and the trend towards analytism are analyzed. The positions of leading linguists and critics regarding the vectors of language system development are considered.

Keywords: morphology, Russian language, globalization, analytism, borrowings, grammatical category, internationalization.

Современный русский язык находится в состоянии непрерывных и интенсивных изменений, катализатором которых выступает глобализация. Глобализационные процессы, характеризующиеся стиранием культурных границ, цифровизацией коммуникации и доминированием английского языка как средства международного общения, неизбежно трансформируют внутреннюю структуру принимающих языков. Морфологический уровень, традиционно считающийся одним из наиболее устойчивых и консервативных элементов языковой системы, сегодня демонстрирует высокую степень динамизма и адаптивности к новым экстралингвистическим реалиям. Главным вектором морфологической эволюции становится дрейф от синтетизма к аналитизму. Русский язык, исторически развивавшийся как флективный и синтетический, под мощным внешним давлением начинает активно осваивать аналитические способы выражения грамматических значений. Это проявляется в колоссальном росте количества неизменяемых существительных и прилагательных, проникающих из англоязычного дискурса. Такие лексемы, как «худи», «смузи», «каршеринг», «онлайн», не просто пополняют лексический фонд, но и перестраивают синтагматические связи. Они отказываются принимать традиционные русские падежные окончания, вынуждая контекст брать на себя функцию выражения синтаксических отношений. Язык эпохи глобализации стремится к предельной экономии ментальных усилий, из-за чего сложные флективные парадигмы начинают восприниматься носителями как избыточное коммуникативное бремя. Современное сознание ищет универсальные, модульные языковые кирпичики, которые можно легко комбинировать без изменения их внутренней формы.

Ярким проявлением аналитизма выступает аппозиция — использование неизменяемых существительных в функции препозитивного определения. Конструкции типа «бизнес-план», «интернет-провайдер», «онлайн-

платформа», «бьюти-индустрия» стали нормативными. В этих парах первое слово полностью утрачивает способность к словоизменению и морфологически уподобляется прилагательному, оставаясь при этом существительным по форме. Происходит категориальный сдвиг, размывающий классические границы между частями речи. Параллельно наблюдаются серьезные сдвиги в категории рода. Огромный массив заимствований колеблется между средним и мужским родом. Традиционное правило, согласно которому неодушевленные неизменяемые иноязычные слова относятся к среднему роду, регулярно нарушается под влиянием аналогии. Например, лексема «кофе» давно ведет затяжную морфологическую борьбу, но новые заимствования демонстрируют еще большую нестабильность. Слово «евро» в живой речи часто приобретает мужской род по аналогии со словом «рубль» или «доллар», а слово «бренди» колеблется между средним и мужским родом в зависимости от речевой ситуации. Лингвист М. А. Кронгауз в своих работах подробно описывал этот феномен, подчеркивая, что норма сегодня не успевает за речевой практикой [2, с. 112]. Он указывает на то, что заимствованное слово проходит длительный период адаптации, во время которого оно словно зависает в грамматической неопределенности, вызывая у носителей языка подсознательное стремление упростить его родовую принадлежность.

В сфере глагольной морфологии глобализация спровоцировала взрывной рост словообразовательной активности. Иноязычные корни стремительно интегрируются в русскую глагольную систему с помощью суффикса *-и-* или более продуктивного суффикса *-ну-*. Глаголы «хайповать», «гуглить», «хейтить», «зумиться», «задонатить» мгновенно обрастают полноценными русскими приставками и суффиксами, формируя видовые пары. Это свидетельствует о глубинном парадоксе: с одной стороны, язык заимствует аналитические корни, но с другой — моментально подчиняет их жестким

законам русской синтетической глагольной парадигмы. Происходит гибридизация, где глобальное содержание упаковывается в локальную грамматическую форму. Особое внимание исследователей привлекает явление деминутивизации в сетевом и корпоративном дискурсе.

Распространение уменьшительно-ласкательных суффиксов («минутка», «звоночек», «заявочка», «ссылочка») вышло далеко за рамки семейнобытового общения. Деминутивы в современном пространстве утратили свою первоначальную функцию выражения ласки или малого размера. Теперь они служат прагматическим инструментом снижения коммуникативной агрессии, создания иллюзии безопасности и психологического комфорта в жесткой конкурентной среде. Однако избыток таких форм ведет к девальвации их морфологического значения и размыванию стилистических регистров. Морфология русского языка не пассивно принимает чужеродные элементы, а вступает с ними в сложные компромиссные отношения, где тенденция к аналитическому упрощению сосуществует с мощным потенциалом традиционного флективного словообразования.

Продолжая анализ морфологических трансформаций, необходимо обратиться к категории числа, которая в условиях глобализации также претерпевает существенные изменения. В частности, наблюдается активизация использования форм множественного числа у существительных, которые традиционно считались вещественными, отвлеченными или собирательными и употреблялись исключительно в единственном числе. В маркетинговом, медийном и кулинарном дискурсах сегодня повсеместно встречаются формы «масла», «сыры», «соки», «риски», «стратегии». Это обусловлено необходимостью дифференциации сортов, видов и разновидностей продуктов или понятий в условиях избыточного глобального рынка. Язык вынужден расширять грамматические границы слова, чтобы успеть за диверсификацией товаров и услуг.

Кроме того, фиксируется обратный процесс — утрата форм единственного числа или их неупотребительность у новых заимствований, обозначающих парные или собирательные понятия («джинсы», «леггинсы», «чипсы»). Интересно, что слово «чипсы» пришло из английского языка, где -s является показателем множественного числа, но в русском языке эта морфема срослась с корнем, и для образования нового множественного числа носители добавили стандартное русское окончание -ы. Подобная избыточная морфологическая маркированность наглядно демонстрирует, как иноязычный грамматический показатель десемантизируется и поглощается принимающей системой. Изменения коснулись и системы степеней сравнения прилагательных. Под влиянием англоязычных синтаксических конструкций носители языка все чаще отдают предпочтение аналитическим формам сравнения («более красивый», «самый лучший») вместо синтетических («красивее»). Более того, в разговорной речи и рекламе укореняются тавтологические, избыточные конструкции типа «более лучший», «самый оптимальный», «самый первейший». С точки зрения строгой академической нормы это является грубой ошибкой, однако частота их употребления свидетельствует о глубоком сдвиге: аналитический маркер «более» или «самый» воспринимается как обязательный усилительный элемент, без которого синтетическая форма кажется носителю недостаточно выразительной.

Лингвист и исследователь современных языковых процессов В. Г. Костомаров в своей фундаментальной концепции языкового вкуса эпохи отмечал, что ключевым признаком современности является стремление к экспрессивности, побеждающее традиционную установку на соразмерность и строгость [4, с. 74]. Он аргументировал это тем, что лавинообразный поток информации требует от текста мгновенного привлечения внимания, ради чего авторы осознанно идут на деформацию морфологических норм, смешивая

книжные и разговорные элементы. Важным аспектом глобализации является интернационализация словообразовательных моделей. В русском языке резко возросла продуктивность префиксов и префиксоидов международного характера: «супер-», «гипер-», «мега-», «ультра-», «пост-», «анти-». Они заменяют исконно русские увеличительные или оценочные приставки. Словообразовательные гнезда с элементами «мегамаркет», «суперталант», «гиперссылка» исчисляются сотнями. Эти префиксы привлекательны своей семантической прозрачностью и универсальностью, они понятны в любой точке земного шара, что идеально соответствует прагматическим задачам глобальной коммуникации.

Особое место в морфологической динамике занимает цифровой дискурс, породивший феномен «эрративов» и специфических сокращений в текстовых сообщениях. Экономия речевых усилий в мессенджерах привела к усечению флексий и упрощению глагольных форм. Появление таких конструкций, как «спс» (спасибо), «пжлст» (пожалуйста), а также использование инфинитивов вместо личных форм глагола для выражения побуждения или констатации факта («автору пить иаду», «всем спать») формирует квазиморфологическую субсистему. Исследовательница сетевой словесности и лингвист А. Е. Земская указывает на то, что интернет не просто портит язык, а создает альтернативную морфологическую реальность, где жесткие грамматические оппозиции размываются в угоду скорости передачи визуального или текстового сигнала [3, с. 143]. По её авторитетному мнению, мы наблюдаем рождение нового типа письменности, где традиционное словоизменение уступает место пиктограммам, эмодзи и жестко фиксированным формульным фразам, выполняющим роль грамматических показателей настроения или модальности.

Морфологические изменения в современном русском языке под влиянием глобализации носят амбивалентный характер. С одной стороны, очевидны

процессы упрощения флективной структуры, усиление аналитизма и размывание традиционных грамматических категорий (рода, числа, падежа). С другой стороны, русский язык демонстрирует колоссальный адаптационный потенциал, перерабатывая, русифицируя и подчиняя иноязычные элементы своим внутренним законам. Происходящие трансформации отражают естественную эволюцию языковой системы, стремящейся соответствовать динамичному, открытому и технологичному миру XXI века.

Список использованной литературы:

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003. — 304 с.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 232 с.
3. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 328 с.
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. — СПб.: Златоуст, 1999. — 320 с.